

Гу Бэйцы, услышав слова Наньжун Цзиня, вздрогнул. Выколоть ему глаза? Это он сейчас серьезно?

Но, взглянув в глаза Наньжун Цзиня, в которых застыла пугающая серьезность и искреннее убеждение, что так и должно быть, Гу Бэйцы понял: тот не шутит.

И тут до него дошло: он был так занят, обучая Наньжун Цзиня основам современной жизни, что совершенно забыл познакомить его с законодательством!

Гу Бэйцы поспешно и твердо заявил:

— Даже не думай о том, чтобы выкалывать мне глаза!

— Почему нельзя? Я ведь только подумал об этом, я же не собирался тебя убивать, — Наньжун Цзинь с недоумением посмотрел на взволнованного Гу Бэйцы. Разве это не мелочь? В конце концов, он же оставил ему жизнь.

К тому же, это были лишь мысли. Если бы он действительно решил лишить Гу Бэйцы зрения, тот уже давно остался бы без глаз, а не стоял бы здесь, ведя с ним спокойный разговор.

Услышав это, Гу Бэйцы глубоко вздохнул. Ну прекрасно, теперь мы уже обсуждаем убийства!

Только сейчас он осознал, насколько огромна пропасть между их мировоззрениями. У каждого своя правда, и каждый по-своему прав. В конце концов, у каждого поколения свои мысли и свои законы, а уж если между ними лежат столетия — тем более.

Культурный шок невозможно преодолеть в одночасье, но сейчас Наньжун Цзинь находится в реальности Гу Бэйцы, а не в своей, поэтому ему придется смириться с местными обычаями.

Глядя на озадаченного Наньжун Цзиня, Гу Бэйцы пришлось придать голосу жесткости, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации:

— Как это почему? Причинение вреда другим — это преступление. За это сажают в тюрьму, а за тяжкие деяния могут даже приговорить к высшей мере наказания! Поэтому выкинь из головы любые мысли о насилии. Я не собираюсь вытаскивать тебя из тюрьмы.

— Но...

Наньжун Цзинь хотел возразить, но Гу Бэйцы, чей вид стал предельно строгим, перебил его:

— Времена изменились. Ты больше не наследный принц, стоящий над законом. В каждой эпохе свои правила, и тебе придется научиться жить по ним.

Боясь, что Наньжун Цзинь не поймет, Гу Бэйцы сгустил краски. Он понимал, что одних слов недостаточно, поэтому тут же скачал на планшет полный сборник уголовного кодекса, записи реальных судебных дел и серию передач о правовом просвещении. О чистописании пришлось забыть — правовое воспитание стало приоритетом.

Гу Бэйцы подошел к столу, вытянул из рук Наньжун Цзиня перо для каллиграфии и положил перед ним планшет.

— Брось это, сейчас важнее другое, — он указал на экран, встретившись с вопросительным взглядом Наньжун Цзиня.

— Что это? — Наньжун Цзинь наблюдал за странными действиями Гу Бэйцы и слушал его причитания. Он невольно вспомнил настоятеля храма Фахуа — тот был таким же занудой. Гу Бэйцы был невыносимо шумным, и это явно не было ошибкой восприятия.

Гу Бэйцы не стал ничего объяснять и просто запустил видео:

— Это для правового просвещения. Просто смотри, не спрашивай.

— Ну, хорошо, — ответил Наньжун Цзинь. Раз просят смотреть — будет смотреть, иначе Гу Бэйцы снова начнет читать нотации.

Однако, посмотрев некоторое время, он с удивлением обнаружил, насколько странная эта эпоха: здесь даже убивать нельзя.

— Почему у вас запрещено убивать и калечить людей без причины?

Гу Бэйцы отложил дела, потер переносицу и ответил:

— Потому что мы живем в новую эпоху. В наше время все равны, каждая жизнь имеет ценность, она священна и неприкосновенна.

— Но в том, что ты мне показал, погибают хорошие, невинные люди, а злодеи остаются в живых, — Наньжун Цзинь не понимал: если хорошие мертвы, а плохие живут, это и есть закон, о котором говорит Гу Бэйцы?

— Но ведь злодеи получают наказание, которого заслуживают, — терпеливо объяснял Гу Бэйцы.

— Я с тобой не согласен. Я вижу много случаев, когда добрые люди погибают, а преступники просто сидят в тюрьме. Где же здесь справедливость для тех, кто ушел? И некоторые преступления раскрывают спустя много лет, что это вообще такое? — Наньжун Цзинь искренне недоумевал. По его мнению, в такой ситуации лучше нанести удар первым.

— Справедливость бывает запоздалой, но она приходит. Если бы не было закона, разве эти

преступники понесли бы хоть какое-то наказание? В твоей стране ведь тоже были законы? Они ограничивают людей, но они же их и защищают. Все взаимосвязано: даже если система несовершенна, она необходима. Существующее — разумно, — Гу Бэйцы едва не запутался в собственных аргументах.

— О-о, вот как... А еще тут... — Наньжун Цзинь, казалось, начал понимать и продолжил задавать вопросы.

— Ну, это работает так... и так далее...

— ...

Зажглись огни, город засиял мириадами неоновых огней. Наньжун Цзинь невольно засмотрелся на пейзаж, забыв о спорах с Гу Бэйцы. Хотя он уже не раз видел подобное, это зрелище каждый раз его завораживало.

Видя, что Наньжун Цзинь наконец замолчал, Гу Бэйцы выдохнул. Он привык считать Наньжун Цзиня величественным, холодным и немногословным, но теперь добавил к его портрету еще одну черту — софист. Он даже засомневался, не был ли тот дипломатом в своей стране. Наньжун Цзинь мог загнать любого в тупик, в его словах сквозил опыт человека, повидавшего слишком много на своем веку.

Правда, Гу Бэйцы не знал, что «дипломатия» Наньжун Цзиня заключалась в военных походах: пока другие договаривались словами, он договаривался силой оружия. И ответа на этот вопрос Гу Бэйцы уже не получит.

Глядя на Наньжун Цзиня, который с таким интересом разглядывал город за окном, Гу Бэйцы невольно улыбнулся. Сколько бы он ни пережил, этот принц из чужого времени все еще остается человеком, способным удивляться новому. В такие моменты в нем проступала юношеская живость, а не взрослая суровость. Гу Бэйцы больше всего любил дразнить его именно в такие минуты.

— Красиво? Ты уже столько раз смотрел, не надоело? Может, привязать тебя веревкой и вывесить за окно, чтобы лучше было видно?

— Чтобы выйти наружу, мне не нужна веревка, — Наньжун Цзинь, недовольный пренебрежительным тоном Гу Бэйцы, бросил на него острый взгляд.

— Да-да, конечно, не нужна, — Гу Бэйцы решил, что мальчишка просто упрямится, и не придавал этому значения. — Кстати, завтра меня выписывают. Ты... в общем, поедешь со мной, поживешь у меня, пока все не уладится. Возражений нет?

— Угу, — Наньжун Цзинь почувствовал, что Гу Бэйцы говорит это для галочки, и ответил тем

же.

В душе же он думал: как только его внутренние раны затянутся, он обязательно заставит Гу Бэйцы совершить настоящий полет.

<http://bllate.org/book/18781/1822479>